

Aigul Bahanova, Lyudmila Kilevaya
Kazachski Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny. Abaja w Aimacie
(Kazachstan)

Вербализация каритивной семантики в русском и польском экономическом дискурсе

Антропоцентрическое направление в лингвистике предопределяет исследование языка в неразрывной связи с его носителем. Это обуславливает возросший в последние десятилетия интерес к функциональной стороне языка, следовательно к семантике языковых единиц и полевым конструктам, структурирующим данную семантику. В лингвистической литературе последних десятилетий даже в связи со всплеском исследований по функциональной лингвистике практически не затрагивался вопрос организации языковых элементов со значением частного отрицания и лишения. В отличие от лишительной семантики, подробное описание в научной и учебной лингвистической литературе находит посессивная семантика. Выделяется даже отдельная категория посессивности, подробно анализируемая в функциональной грамматике. Оппозиционную же данной категории с общей семантикой „отсутствие принадлежности, необладание” впервые в лингвистике относительно недавно обозначает В.В. Иванов. При этом, анализируя формы выражения обозначенной семантики, ученый подчеркивает существенное отличие языкового отрицания, относящегося только к части предложения, от логического отрицания, передаваемого посредством отрицательной частицы *не* и относящегося ко всему предложению в целом: „С общелингвистической точки зрения интерес этих форм прежде всего состоит в том, что они могут выражать не глобальное отрицание, касающееся всего высказывания, а только отрицание обладания по отношению к предметам, обозначаемым отдельными локальными частями высказывания, не влияющими непосредственно на истинность или ложность всего утверждения в целом”¹. Иными словами, специфика форм

¹ В.В. Иванов, *Типология лишительности (каритивности)*, [в:] В.В. Иванов, Т.Н. Малюшная, А.В. Головачева, Т.Н. Свешникова, *Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках*, Индрик, Москва 1995, с. 5.

со значением необладания, или, согласно устоявшемуся в лингвистической литературе термину, каритивных форм, состоит в том, что отрицание в высказывании является не предикативным, а локальным.

Как известно, предикативное отрицание имеет место в собственно отрицательных предложениях. Согласно данным исследований, предикативное отрицание передается посредством частицы *не* при глаголе-сказуемом (*трудностей не встречается*), слова *нет* (*нет времени*); слов категории состояния *нельзя*, *невозможно*, *немыслимо* (*Нельзя пройти*; *Немыслимо забыть*; *Невозможно разговаривать*); частицы *ни* (*Ни души*); отрицательных местоимений *никто*, *ничто*; местоимения-прилагательного *никакой* (*Ничего нового*; *Никаких проблем*)². В представленных случаях полностью отрицается предикативный признак, что придает отрицательное значение всему предложению. Каритивное же значение связано с частным отрицанием, при котором отрицается не самое действие, не вся ситуация в целом, а лишь какая-то ее часть, на основании чего отрицание приобретает частный характер, например: *Не брат ходил в библиотеку*; *Брат ходил вчера не в библиотеку*³.

Каритивная семантика представляет собой важный признак категории лишительности, которая в исследованиях ученых интерпретируется как оппозиционный коррелят категории посессивности (притяжательности)⁴, что, на наш взгляд, является, однако, не бесспорным. Ведь к такой интерпретации приводит отождествление категорий каритивности и лишительности. В то же время данные категории отличаются своим доминирующим категориальным признаком. Для категории лишительности таковым является каузативный показатель реализации действия, для категории каритивности – значение частного отрицания, необладания.

Определение категории лишительности как семантической категории обуславливается тем, что она включена в систему понятийных категорий носителей флективного и агглютинативного типов языков.

В настоящее время назрела необходимость систематизации вербальных средств воплощения категории лишительности в виде функционально-семантического поля в конкретном языке. Иными словами, актуальным представляется выявление формальных средств воплощения данной категории, следовательно, границ функционирования ее вербальных

² *Русская грамматика*, т. 2: *Синтаксис*, Наука, Москва 1982, с. 402–405.

³ *Ibidem*, с. 408.

⁴ В.В. Иванов, *op. cit.*, с. 5.

показателей. Определенные усилия исследователей в данном направлении имеют место применительно к каритивной семантике на материале русского языка, что позволяет в дальнейшем произвести такого рода исследования относительно семантики лишительной с целью их разграничения. Подробный анализ в сопоставительном аспекте дает возможность выявить типичные языковые единицы, используемые для вербализации рассматриваемых категорий.

В представленной статье произведена попытка обозначения вербальных компонентов каритивной семантики на материале русского и польского языков, поскольку корпус языковых единиц со значением каритивности в русском и польском языках до настоящего времени не получил своего обозначения ни с точки зрения наполняемости, ни с точки зрения статуса.

Поскольку в семантической категории отражается состояние окружающей действительности, необходимым представляется выявление и анализ языковых фактов в экономическом дискурсе. Данный дискурс отражает реальное состояние дел в экономике, от которого состоит благосостояние населения страны. Таким образом, предметом исследования выступает комплекс языковых единиц с каритивной семантикой в аспекте их функционирования в экономическом дискурсе. Под дискурсом понимается совокупность текстов, отражающих социальные, культурные и глобальные изменения в мире и способных управлять социальными последствиями. Экономический дискурс представляет собой фрагмент общего дискурса.

Фактическим материалом исследования служат языковые единицы с каритивной семантикой и тексты экономических газет, в которых отражено частное отрицание в разных его вариантах. Было проанализировано 220 языковых единиц, извлеченных из 42 текстов казахстанских русскоязычных газет и польских газет. Отбор фактического материала производился как методом сплошной выборки, так и избирательным методом. Источниками фактического материала послужили материалы казахстанских газет экономической тематики: „Я покупатель и собственник”, „Деловой Казахстан”, „Экономика”. Данные газеты представляют собой интересы как государственной власти, в частности „Деловой Казахстан”, так и оппозиционеров РК („Я покупатель и собственник”). Отбор статей в газетах разнонаправленной ориентации позволяет сопоставить степень функциональной значимости языковых единиц с каритивной семантикой в экономическом дискурсе внутри разных

идеологий. Фрагменты польских текстов извлекались главным образом из экономического блока газеты „Rzeczpospolita”.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что праславянский язык, как общий источник русской и польской языковых систем, обеспечивает идентичность семантического пространства в области отрицания обладания по отношению к предметам или явлениям, обозначаемым отдельными частями высказывания. Анализ каритивной семантики данных языков и вербальных средств ее выражения свидетельствует о том, что она передается двумя типами отрицания: аффиксальным и словесным. К ним относятся приставки, лексические единицы со значением необладания, глаголы перформативной семантики, предлоги типа *bez/без*, обособленные дополнения и другие компоненты. Широким спектром союзов в русском и польском языках представлены придаточные части со значением уступительности, участвующие в формировании каритивной семантики. Это прежде всего польский союз *timo że*, тождественный русскому союзу *несмотря на то что*.

Применительно к русской языковой системе к аффиксальному отрицанию, с опорой на исследования А.И. Мельчука, Ю.Д. Апресяна, В.В. Иванов относит прилагательные с приставкой *не-* типа *недобрый, небольшой, немалый* и под; существительные с этой же приставкой типа *неволя, неверие, недуг, немощь, неправда, неприязнь, нечисть*, а также существительные и прилагательные с приставкой *бес-*: *беславие, бессмертный, безрукий, безногий*⁵. По нашим наблюдениям, значима также в воплощении каритивной семантики роль префикса *у-*: *убогий, удушье*. Данные приставки можно интерпретировать в качестве формальных критериев, позволяющих выявлять каритивную семантику.

Согласно нашим наблюдениям, в равной степени регулярностью в русском языке отличается приставка *вы-*, употребляемая в составе глаголов, например: *вымести столовую* – ‘лишить столовую сора’; *выбить пыль из покрывала* – ‘лишить покрывало пыли’; *выскрести остатки пищи из сковороды* – ‘лишить сковороду остатков пищи’.

По располагаемым данным, в аффиксальном типе частного отрицания в русском и польском экономическом дискурсе превалируют лексемы с приставкой *bez/без* и предложно-падежные сочетания с соответствующими предлогами, что, на наш взгляд, обуславливается общекризисной ситуацией стран мира и ее последствиями, одним из которых является

⁵ Ibidem, с. 11–13.

безработица. Знаменательна в этом плане польская статья *Dwa miliony bezrobotnych*, в которой мы произвели выборку и дальнейший количественный анализ. Оказалось, что на 58 знаменательных слов одного абзаца в ней приходится около 5 слов каритивной семантики, наиболее распространенными из которых является сама лексема *bezrobocie*. Вот только некоторые из примеров: *Wniosek o uwolnienie środków na aktywną walkę z bezrobociem już w przyszłym tygodniu ma trafić na biurko Jacka Rostowskiego; Dla tego trzeba zrobić wszystko, aby pomóc ludziom bez pracy; W ustawie zapisano też konkretne możliwości pomocy dla osób długotrwale bezpracownych* [Rzeczpospolita, 9.07.2013, № 158, с. А7].

К словесному типу частного отрицания, необладания В. В. Иванов относит слова типа *холостой*, универсальное отрицательное слово *нет*⁶. Сюда же, на наш взгляд, следует отнести прилагательное *нищий* и содержащие перформативную семантику глаголы русского языка *лишить, отсутствовать, терять, утратить*; глаголы польского языка *brakować, oszczędzać, pozbawiać, gubić, spadać, zwolnić, kończyć, zmniejszyć* и соответствующие отглагольные образования. Согласно исследованному материалу, к словесному типу каритивных форм относятся также лексемы *убивать, исчезать, выбросить*. Приведем следующий иллюстративный материал: (об отдыхе на Алаколе) *Но прилагаемый к этому великолепию прямо-таки нещерный сервис желание повторить этот отдых убивает напрочь* [„Я покупатель-собственник”, 27.04.2012, № 17, с. 1]; *Вмешательство человека в сложную экосистему природного парка, где обитают многие виды исчезающих и редких растений и животных, в любом случае приведет к необратимым последствиям* [„Я покупатель-собственник”, 27.04.2012, № 17, с. 1]; *велик риск выбросить огромные суммы просто на ветер* [„Я покупатель-собственник”, 27.04.2012, № 17, с. 1]. Промежуточную позицию занимают глагольные лексемы типа *сократить* и отглагольные существительные, в частности *затрата, ограничение, срыв, износ, отпуск*. Важно подчеркнуть, что в экономическом дискурсе казахстанских русскоязычных газет данные лексемы выделены в пределах одной статьи. Словесный тип отрицания наблюдается также в польском экономическом дискурсе: *W budżecie wojewódzwa brakuje dziś ponad 300 mln zł.* [„Rzeczpospolita”, 9.07.2013, № 158, с. А3]; *Oszczędności w OFE znacznie częściej jako własne traktują zarówno przedsiębiorcy, pracownicy umysłowi...* [„Rzeczpospolita”, 9.07.2013, № 158, с. А3]; *Moim zdaniem to skutek tego,*

⁶ Ibidem, с. 13.

że **kończą się już pieniądze na aktywizację zawodową, a gospodarka bardzo silnie zwolniła**. [„Rzeczpospolita”, 9.07.2013, № 158, с. А7]; **Niemiecki eksport do państw strefy euro zmniejszył się w maju o 9,6 proc.** [„Rzeczpospolita”, 9.07.2013, № 158, с. А7].

С точки зрения передачи каритивной семантики словесного типа требуют интерпретации прилагательные типа *слепой*, *глухой* и их польские соответствия *ślepy*, *głuchy* в их прямом значении, то есть в виде определения, применяемого к человеку. Встает вопрос: насколько абсолютным является каритивное значение в данных прилагательных с точки зрения современной методологии? Постструктуралистский подход не позволяет положительно ответить на поставленный вопрос. Подтверждением служат конструкции, приводимые Ю.Д. Апресяном при анализе синонимической семантики типа *Она притворялась глухой; Она симулировала полную потерю слуха; Она делала вид, что глуха; Ее глухота была притворной*⁷. В приведенных конструкциях прилагательное *глухой*, не утрачивая своего лексического значения, обозначает признак, не присущий данному субъекту, что свидетельствует об отсутствии в нем каритивной семантики в рассматриваемом контексте. Это обуславливает то обстоятельство, что выявлять каритивную семантику в словесном типе языковых единиц целесообразнее в контекстных или конситуативных условиях.

Приведенное утверждение в равной мере относится к лексемам с семантическим критерием „отнятие чего-либо”, передаваемым глаголами *воровать*, *грабить* в русском языке и глаголами *kraść*, *grabieć* в польском языке. В данных глаголах заложена валентность перехода действия на „некоторый отбираемый объект”. Однако реальность действия, связанного с насильственным лишением субъекта чего-либо, зависит от истинности или ложности высказывания. В равной мере обозначенные факторы влияют на сохранение каритивной семантики в русских глаголах типа *продать*, *истратить деньги* и соответствующих польских глаголов *sprzedać*, *wydać pieniądze*.

Особо следует подчеркнуть, что в оппозиции „лишение-приобретение” первый компонент, несмотря на семантику каритивности, в экономическом дискурсе способен передавать положительные процессы или явления. Это касается, в частности, высказываний с глаголом *устранить* и его образованиями, который в своей семантике содержит сему „изъятие

⁷ Ю.Д. Апресян, *Избранные труды*, I: *Лексическая семантика*, Школа „Языки русской культуры”, Издательская фирма „Восточная литература” РАН, Москва 1995, 472с.

определенных неполадок”. В данном случае речь идет о так называемом двойном отрицании, являющемся специфической принадлежностью современного русского языка. В отличие от представленных выше языковых единиц со значением лишительности, имеющих негативную коннотацию, глагол *устранить* наделен положительной коннотацией. При этом категориальная ситуация, в которой он функционирует, ограничена его семантико-синтаксической связью со словом каритивной семантики, чаще всего существительным с приставкой *не-*, например: *все оплошности и недоделки строителей, которые допустили при ремонте домов в прошлом году, будут **устранены** в этом году за счет подрядчиков; **Дополнительных денег за **устранение недоработок строителей с жильцов домов** **взиматься не будет**** [„Я покупатель-собственник”, 27.04.2012, № 17, с. 3]. Из приведённых примеров вытекает, что в пределах категории лишительности глаголы *взять*, *взиматься* и их синонимы *взять*, *брать*, а также соответствующие отглагольные образования заслуживают особого рассмотрения. Приведем подобный пример: *И только после этого начнем заниматься возвратом **взятых** населением в кредит денег [„Я покупатель-собственник”, 27.04.2012, № 17, с. 3].**

Даже самый общий обзор языковых средств, воплощающих каритивную семантику, свидетельствует о достаточной степени размытости ее вербализации, не позволяющей обозначить определенную системность в кругу выявленных языковых средств. Во многом это обусловливается размытостью определения термина „каритивность” в лингвистических источниках, некоторой фрагментарностью фактов о смежной с ней категорией лишительности, которая до настоящего времени не актуализируется в них, а затрагивается лишь попутно, наряду с основными положениями по семантике. Так, важным аспектом проблемы является вопрос о статусе категории лишительности.

Подчеркнем, что автор идеи категории лишительности В.В. Иванов определяет ее то как грамматическую категорию, то вовсе игнорирует этот вопрос⁸. Мы интерпретируем данную категорию, наряду с категорией каритивности, как семантическую категорию в силу того, что вышеуказанные вариантные языковые значения соответствуют общему инвариантному значению, что укладывается в понятие семантической категории, обозначенной в трудах А.В. Бондарко⁹. Базирующиеся на данной

⁸ В.В. Иванов, *op. cit.*, с. 64.

⁹ А.В. Бондарко, *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность*, УРСС, Москва 2003, с. 12.

семантической категории языковые единицы относятся как к грамматике, так и к лексике. Они взаимодействуют между собой на основе общности семантической функции, что определяется в лингвистической литературе как функционально-семантическое поле¹⁰.

В противоположность сказанному трудно уложить билатеральный комплекс плана содержания и плана выражения категории лишительности в понятие грамматической категории. Грамматическая категория предполагает объединённый на основе общей семантики комплекс оппозиций, проявляемых в противопоставленных друг другу грамматических значениях. В то же время отчетливо прослеживаются черты, свойственные семантической категории: понятийность, фокусирующая на функционально-семантическое поле. Не случайно категорию лишительности можно интерпретировать в аспекте оппозиции категории посессивности (принадлежности), определяемой в лингвистических источниках как семантическая.

Произведенное описание комплекса вербального воплощения каритивной семантики в русской и польской языковых системах в свете теоретических выкладок позволяет утверждать, что, составляя ядерную часть семантической категории каритивности, она передается целым комплексом языковых средств, которые организуют соответствующее функционально-семантическое поле в русском и польском языках. При всей нерешенности проблемы ядерного и периферийных компонентов поля представленный анализ эффективен в том смысле, что он выявляет достаточную тождественность вербализации каритивной семантики в славянских языках, представляющих разные языковые группы внутри славянской ветви. Это, безусловно, сможет способствовать дальнейшим поискам в структурировании поля каритивности. Вместе с тем приведенные вербальные средства представляют собой лишь часть того арсенала, благодаря которому достигается передача каритивной семантики в русском и польском языках, что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в этом направлении.

¹⁰ Ibidem, с. 11.

Streszczenie

Werbalizacja semantyki karytywnej w rosyjskim i polskim dyskursach ekonomicznych

Celem artykułu jest analiza środków językowych stosowanych w rosyjskim i polskim dyskursie ekonomicznym na podstawie artykułów publikowanych w rosyjskojęzycznych gazetach Kazachstanu oraz w gazetach polskich. Punktem centralnym rozważań jest semantyka karytywna, interpretowana jako główna część kategorii pozbawienia. Stwierdzono, iż w rosyjskim i polskim dyskursach ekonomicznych wykorzystuje się identyczne środki językowe, co jest efektem wspólnego pochodzenia wybranych systemów językowych z języka prasłowiańskiego oraz zbliżonej interpretacji stanu ekonomicznego w Kazachstanie i Polsce.

Summary

The verbalization of karitive semantic in Russian and English economic discourse

The paper analyzes the linguistic means incarnation karitive semantics in Russian and Polish economic discourse. The material of the study uses data Kazakh Russian-language newspapers and Polish newspapers. Karitive semantics interpreted as the nuclear part of the category of lackness. In Russian and Polish speech activity on economics, used identical language units. This is due to a common origin of language systems, dating back to the pre-Slavic language, and with respect to the interpretation of the general problems of the economy in Kazakhstan and Poland.

Key words: Karitive semantics, lackness, discourse, semantic category, the possessive.